
ТЕОРИЯ

К. Н. ЛЮБУТИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ «МАКСИМ ГОРЬКИЙ КАК ФИЛОСОФ»

Еще не столь давно Максим Горький (1868–1936) причислялся к лику народных социалистических святых, а основные его художественно-эстетические оценки были канонизированы. Но... страна перевернулась, как гончарный круг. Ныне «бойкие парни» (словосочетание писателя) пытаются отправить огромное духовное наследие великого *русского* писателя в небытие. Правда, еще пробиваются в печать авторы иной ориентации. Мы обращаем внимание читателей на статью М. Агурского «Великий еретик». В этой статье дана, пожалуй, самая емкая оценка творчества Максима Горького: «Можно понять, почему Ленин назвал Толстого «зеркалом русской революции»... Но именно Горький в гораздо большей степени заслуживает, чтобы его назвали «зеркалом русской революции», причем зеркалом чистым и незамутненным. Без Горького невозможно понять глубинные народные корни большевистской революции, которую нельзя рассматривать только через марксистскую призму»¹. Есть много оснований полагать Горького зеркалом русской революции во всем ее историческом величии и глубочайшем трагизме. Горький с Лениным, роман «Мать»; Горький – автор «Исповеди» и «Не-

¹ Агурский М. Великий еретик // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 74. См. также: Баранов В. И. Горький без грима. Тайна смерти. М., 1996; Примочкина Н. Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов. М., 1998; Ваксберг А. Гибель буревестника. М. Горький: последние двадцать лет. М., 1999.

своевременных мыслей); Горький – автор книжки «О русском крестьянстве» и статьи «Если враг не сдается – его уничтожают».

Горький – автор произведений, которыми восхищались выдающиеся писатели от Р. Роллана до М. Шолохова. Д. Мережковский назвал «Детство» одной из «вечных русских книг». М. Цветаева считала, что Горький несравненно больше И. Бунина достоин премии Нобеля, что он и человечнее, и своеобразнее, и нужнее. Горький – эпоха². К этой оценке следует добавить: эпоха весьма противоречивая, ибо в творчестве Горького пересеклись различные мотивы. В конце концов, мыслитель оказался во власти сталинской версии марксизма и сталинской концепции социализма. «Внутри страны против нас, – писал Горький в 1930 г., – хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, – против нас все, что отжило сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны, отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается – его уничтожают...». И добавлял в 1935 г.: «Мы живем в состоянии войны – вот что нам нужно помнить, не забывая ни на минуту»³.

В рассказе «О вреде философии» Горький, описывая события 1893–1894 годов, признается: «Я давно уже чувствовал необходимость понять, – как возник мир, в котором я живу и каким образом я постигаю его? Это естественное и, – в сущности, – очень скромное желание незаметно выросло у меня в неодолимую потребность, и, со всей энергией юности, я стал настойчиво обременять знакомых «детскими вопросами»⁴. Ответы на «детские» вопросы писатель искал в книгах Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, Эдуарда фон Гартмана и Вильгельма Оствальда... Но не только. В «Беседах о ремесле», которые печатались в 1930–1931 годах, Горький вспоминает, что он довольно рано по-

² Цветаева М. И. Об искусстве. М., 1991. С. 418.

³ Горький М. Если враг не сдаётся, его уничтожают. М., 1938. С. 91–92, 314.

⁴ Горький М. Собр. соч. Т. 15. М., 1951. С. 52.

нял решающее культурно-историческое значение труда, его организующую силу. Он называет книги других авторов, социальных философов, в том числе «Азбуку социальных наук» В. В. Берви-Флеровского, книги, богатые фактическим материалом, внушившие «твердую уверенность, что значение труда как основы культурного роста человечества должно быть очевидно и понятно для всякого рабочего человека, если он не идиот»⁵.

Горький и Ницше. Эта тема возникла уже в 90-е годы. Н. Минский, П. Боборыкин, Н. Михайловский первыми стали писать о «ницшеанских настроениях» Горького. Сам Горький в «Беседах о ремесле» писал по поводу босяков: «Романтизировал»? Это едва ли так. Надежд не возлагал никаких, а что снабдил их, так же как Маякина, кое-чем от философии Ницше – этого я не стану отрицать»⁶. В этом смысле и Михайловский писал о ницшеанской противоположности Челкаша рабу Гавриле, Сокола Ужу, Данко всему табору, Чижа Дятлу... Ценность человека, оправдание жизни и отвержение пессимизма – общие элементы творчества Ницше и Горького. Хотя романтизм Ницше сугубо аристократичен, а романтизм Горького глубоко демократичен и ничего общего не имеет с идеей воли к власти.

Горького упрекали в пристрастии к учению Ницше. Он считал упрек неосновательным, замечая, что «мораль господ» не увлекала его, человека «толпы», что ему также была чужда «мораль рабов». Писатель вспоминает, что уже тогда, в 90-е годы, он был «несколько знаком с учением Маркса»⁷, под влиянием которого у него слагалась «третья мораль»: не ницшеанский принцип «падающего толкни» и не христианский – «падающего поддержи», а – «восстающего поддержи». Подводя известный итог своему общему пониманию философской ориентации, в речи «Борьба с неграмотностью» Горький выделяет «основные вопросы, которые интересуют все человечество и которые впервые еще у дикарей толкнули мысль на тот путь, который привел к великим за-

⁵ Горький М. Собр. соч. Т. 25. М., 1953. С. 309.

⁶ Там же. С. 322.

⁷ Там же. С. 321.

воеваниям, которые сейчас в ваших руках: ... откуда человек? Что такое жизнь? Как она началась на земле? Есть ли у нас душа? Что такое душа?»⁸. Писатель фиксирует «антропологическое» ядро философии, ее суть, восходящую к парадигме мифологического мышления, к началу становления человеческой культуры. То умонастроение, которое несли философская антропология, было близко Горькому и как писателю, и как самобытному философу.

По мере расширения своих воззрений на природу, под влиянием горячо почитаемого им Богданова, Горький переходит от поэтического воспевания природы к ее философской оценке. Скажем так: от понимания природы как космоса, порядка к пониманию ее как хаоса, совокупности неорганизованных слепых сил. В статье, посвященной творчеству М. М. Пришвина (1926), Горький признается, что с годами лирические песнопения природе стали вызывать у него чувство недоумения и даже протеста против скрытого унижения человека перед страшным и глупым зверем. Ибо нет Красоты в пустыне. Красота в душе араба. Материалист Геккель внес «красоту форм» в безобразнейшее сплетение морских водорослей и в медузу. А древние эллины, тончайшие знатоки красоты, находили медузу отвратительной до ужаса. И дело не только в воображении человека, дело в практической активности. Горький, ссылаясь на Вернадского, напоминает, что миллиарды людей удобряли Землю своей плотью и сделали ее «нашей». Он вспоминает афоризм почитаемого им Н. Федорова: «Свобода без власти над природой – то же, что освобождение крестьян без земли»⁹.

В другой статье Горького «О культуре» (1928) читаем: «Все, что именуется культурой, возникло из инстинкта самозащиты и создано трудом человека в процессе его борьбы против мачехи-природы; культура – это результат стремления человека создать силами своей воли, своего разума – «вторую природу». Первая природа – хаос неорганизованных, стихийных сил, которые награждают людей

⁸ Горький М. Собр. соч. Т. 24. М., 1953. С. 208.

⁹ Там же. С. 454.

землетрясениями, нововведениями, ураганами, засухами, нестерпимым зноем и таким же холодом. Первая природа бессмысленно тратит силы свои на создание болезнетворных микроорганизмов – бацилл, на создание вреднейших насекомых – комаров, мух, вшей, которые переносят в кровь человека яды тифа, лихорадок и так далее; она создает бесчисленное количество вредных и бесполезных растений и трав, истощая на размножение паразитов здоровые соки, потребные для произрастания питающих человека злаков и плодов. Можно подумать, что природа вообще не создавала полезных организму человеку злаков, а к тем, которыми теперь питаемся мы, первобытные люди приучили свой организм постепенно, путем длительных страданий и гибели множества людей»¹⁰.

Как видно, Горький исходит из примата оценочного знания природы, которое и составляет существенный момент всякой философии. Для него очевидно: дабы человек мог выжить, он должен был обрабатывать природу, этот сырой материал, внося в него свой порядок, придавая природе своей деятельностью закономерный иерархический облик, регулируя и контролируя природные процессы. Начав с эмпирических наблюдений за естественными процессами, человек постепенно совершенствовал разум и создавал науку. Наука – основа культуры, «второй природы», возникающей из бесформенного хаоса, одухотворенного разумом человека в процессе деятельности. Три человека формируют «вторую природу»: ученый, художник и рабочий. Тайны космоса не столь интересны и важны, как изумительная загадка: каким чудом неорганическое вещество превращается в живое, а живое, развившись до человека, дает нам Ломоносовых и Пушкиных... Но до Архимеда, Демокрита, Шекспира дорастает сам человек в рамках «второй природы».

Горький фактически воспроизводит тот антропологический круг, который был вычленен в философии со времен Людвига Фейербаха: человек – исходный пункт размышлений философа (и художника, по Горькому), и он же – ко-

¹⁰ Горький М. Собр. соч. Т. 24. М., 1953. С. 405.

нечная цель. В лице человека природа получила орган для познания самой себя. В письме к Ольге Скороходовой от 3 января 1933 г. Горький замечает: «Я никогда не восхищался «разумом природы», не верил в него и не верю, ибо в природе слишком много бессмысленного и вредного для человека. . . Верю я в разум человека, – он, человек, кажется мне органом самопознания природы, исследователем и организатором ее хаотических сил»¹¹.

Писатель многократно повторяет тезис: верю только в человека, в этом моя религия. Человек – существо многостороннее, противоречивое. Одно из противоречий – противоречие между инстинктами, влечениями и разумом. Многие исследователи творчества Горького отмечали, что он всю жизнь был «болен» вопросом о соотношении интеллекта и чувств в человеческой душе. Иногда писатель сетует на то, что ему не хватает воображения соединить эти два начала, разьединенные глубокой трещиной взаимного отчуждения. Но, полагает он, жизнь требует гармонического человека, у которого интеллект и инстинкт сливались бы в стройное целое. В молодости Горький тяготел к признанию гармонии, когда интеллект и инстинкт в человеке слиты в стройное целое. Но с годами он отдает первенство разуму: «плоть должна быть покорным псом духа». Речь идет не о пережевывании традиционной антиномии «сенсуализм-рационализм», речь идет о новой позиции, которая восходит к Вильгельму Оствальду и его русскому стороннику Богданову, которые высвечивали особую роль энергии в мире. Горький, справедливо замечая, что определенные приверженцы материализма стремятся «упростить и механизировать человека», видит движение вперед в грядущем превращении материи в энергию. Имеется в виду освобождение внутриатомной энергии, а средство достижения этого – человеческая мысль и воля в качестве высшего проявления мировой энергии. Именно человек должен придать естественному радиоактивному распаду материи характер сознательного освобождения энергии. Дух человека – это энергия. Превращение материи в энергию означает, если

¹¹ Горький М. Собр. соч. Т. 30. М., 1955. С. 273.

угодно, исчезновение индивида и образование некоего стройного организма – человечества. Перед нами обоснование своеобразного суперколлективизма. Горький ищет ответы на «детские» вопросы у В. Оствальда, переходя от понятия материи как субстанции к понятию энергии и полагая, что высшее проявление энергии – мысль и воля человека. Энергия объединяет всех индивидов в гигантский коллектив – Человечество. Спасение – в энергетическом коллективизме, в преодолении косной материи. Писатель с увлечением обдумывает гипотезы Н. Федорова и Ле-Руа, Тейяра де Шардена и В. Вернадского. Он разделял гипотезы ряда психологов о непосредственной передаче мысли на расстояние. Из книги московского психиатра Н. Котика «Эманация психофизической энергии» (1908) Горький заимствовал допущение неизвестной энергии, которая имеет физические и психические свойства и с помощью которой элита переделывает остальное человечество. Только человек обладает способностью творить чудеса, которой идеалисты наделяют силу, якобы существующую вне человека. Народ – вот подлинный богостроитель, ибо бог – сын человеческого духа. В письме к В. Розанову (1912) Горький замечает: «Будет побеждено и рабство перед богом: Ваше, Достоевского, Толстого, Соловьева; ведь или мы победим это, или погибнем»¹².

В цикле статей «Заметки из дневника», над которыми Горький работал в 1922–1923 гг., воспроизводится разговор с А. Блоком. Горький убеждает поэта (со ссылкой на ряд имен ученых) в том, что «мертвая материя» превращается в чистую психику. В мозговом веществе, допускает Горький, материя непрерывно превращается в психическую энергию. Если бы мы могли время от времени взвешивать нашу планету, мы увидели бы, что ее вес последовательно уменьшается. Любопытно, как Блок парирует идею собирательного Человечества. «Мы стали слишком умны, для того, чтобы верить в бога, и не достаточно сильны, чтобы верить только в себя. Как опора жизни и веры существует только бог и я. Человечество? Но разве можно верить в разумность чело-

¹² Контекст. М., 1978. С. 307.

вечества после этой войны и, наконец, неизбежных, еще более жестоких войн?»¹³. У Горького же проблема человеческого прогресса, в конечном счете человеческого бессмертия, решается антиперсоналистически. Он склонен разделять сциентистскую гипотезу о возникновении безличного планетарного мозга. Социальный прогресс зависит от накопления мозгового вещества, носителями которого являются выдающиеся в интеллектуальном и моральном плане люди. Такого вещества в мире очень мало. Протестуя против нарастания военных действий в Европе в 1915 г., против всеобщего одичания, Горький буквально кричит, дабы люди поняли и одумались, о том, что война истребляет неисчислимое количество творческого мозга, разбрызгивая его по обезображенной земле¹⁴.

В статье «Десять лет» (1927) писатель вспоминает: «Когда-то, в эпоху мрачной реакции 1907–1910 годов, я назвал его (народ. – *К.Н.*) «богостроителем», вложив в это слово тот смысл, что человек сам в себе и на земле создает и воплощает способность творить чудеса справедливости, красоты и все прочие чудеса, которыми идеалисты наделяют силу, якобы существующую над человеком»¹⁵.

Горький, как и Луначарский, рано открыл для себя тот факт, что без веры нет человека, не может человек быть человеком без веры. Павел Власов, этот рупор писателя, рассуждая о вере в бога, говорит матери о том, что попы исказили облик бога, религия наша – фальшивая. Еретик Рыбин в том же романе призывает «переменить бога», «очистить его». Через богостроительство Горький ищет ответ на вопрос: «Зачем жить?». Не «как?», а именно – «зачем?». Жить, чтобы поднять Я до Человечества, подлинный бог – концентрация человеческих воль, то самое Человечество, коллективное начало, которое начало, которое растет из освобождающейся энергии. Химик Павел Протасов в «Детях Солнца» (1905) восклицает: «Наступит время, из нас людей, из всех людей, возникнет к жизни величествен-

¹³ Горький М. Собр. соч. Т. 15. М., 1951. С. 332.

¹⁴ Горький М. Собр. соч. Т. 24. М., 1953. С. 175.

¹⁵ Там же. С. 242.

ный стройный организм – человечество. Человечество растет и зреет. Вот жизнь, вот смысл ее»¹⁶. Великой заслугой русской революции Горький и считал выдвигание на первый план Человека как начала сущего. Его активистскому отношению к миру был близок прагматизм. Отсюда восхищение Джемсом как человеком и как философом. Поэма «Человек» (1903) – концентрированное выражение горьковского знания и веры в человека. В этой вере писатель видел свою религию.

Горький был страстным сторонником социально-философской идеи создания «Новой Земли» и «Нового Человека». Видимо, испытал непосредственное влияние Богданова. Горький был очарован Богдановым. И не только в «каприйский» период. В ноябре 1906 г. в письме к И. Ладьяжникову он сообщает: «Знаете, – это чрезвычайно крупная фигура, от него можно ждать оглушительных работ в области философии, я уверен в этом! Если ему удастся то, что он задумал, – он совершит в философской науке такую же революцию, как Маркс в политической экономии. Поверьте, тут нет преувеличений. Мысль его огромна, она – социалистична, значит – революционна... Он меня – просто сводит с ума!»¹⁷.

Идея эта, популярная в конце XIX в., связывала человеческие беды с природой. В ней видели последнего и главного врага. В 1928 г. Горький писал: «Природа бессмысленно тратит силы свои на создание болезнетворных микроорганизмов – бацилл, на создание вреднейших насекомых – комаров, мух, вшей, которые переносят в кровь человека яды тифа, лихорадок и так далее; она создает бесчисленное количество вредных и бесполезных растений и трав, истощив на размножение паразитов здоровые соки, потребные для произрастания питающих человека злаков и плодов»¹⁸. Каково же должно быть наше отношение к природе? «Жизнь человечества, – писал Горький, – творчество, стремление к победе над сопротивлением мертвой материи,

¹⁶ Горький М. Собр. соч. Т. 6. М., 1950. С. 325.

¹⁷ Архив А. М. Горького. Т. 7. М., 1959. С. 148.

¹⁸ Горький М. Собр. соч. Т. 24. М., 1950. С. 405.

желание овладеть всеми ее тайнами и заставить силы ее служить воле людей для счастья их. Идя к этой цели, мы должны в интересах успеха ревностно заботиться о постоянном развитии количества и качества живой, сознательной и активной психофизической энергии *мира*»¹⁹.

Целеполагание и целереализация возникают там, где мысль оплодотворяется страстью, дух – желанием, знание – волей. Одно знание причин и следствий может быть как предпосылкой активизма, так и квиетизма. Вспомним того же Панглоса, приверженца теории предустановленной гармонии: он не помогает анабаптисту Якову, тонущему в Лиссабонском заливе, ибо залив для того и создан, чтобы в нем утонул анабаптист.

Миропонимание Горького эволюционирует от романтически-анархистского индивидуализма, философско-символическое выражение которого – босяк из ранних рассказов, – к гуманистическому коллективизму, символ которого – Человечество (или Человек с большой буквы). Человечество – ядро богостроительских размышлений писателя. Символизм для писателя – органическая форма творчества. Орнитологическая символика в русской литературе от чеховской «Чайки» через «Буревестник» идет у Горького к «Соколу», «Чижу» и «Дятлу».

Горький писал: «Человек всегда достоин идеализации». Он абсолютизировал ценностный подход, полагая, что в общественной жизни главное не правда или ложь, а Асоциальная ценность, повышающая или понижающая жизнедеятельность. Долг писателя формировать «новую коллективистическую психику», «религию», где божеством будет все человечество. Искусство для Горького – «оптимистический инструмент», который, несколько увеличивая красивое и доброе, несколько притеснял бы уродливое и злое. Он упрекал Л. Андреева в том, что для того человек – раб смерти, всю жизнь ходит на ее цепи. «Для меня человек, –

¹⁹ Горький М. Разрушение личности // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. С. 403.

пишет Горький, – всегда победитель, даже и смертельно раненный, умирающий»²⁰.

В Достоевском Горький видел «злого гения», который мешает русскому народу социально-политически и психологически, находя удовольствие в изображении уродств русского характера. Горький требовал от писателя самоцензуры, оппоненты (Арцыбашев, Философов) упрекали его в попытке надеть «цензурный намордник». Между тем весьма современно звучат некоторые обобщения писателя: «Мы все любим философствовать и мечтать, лучшую энергию свою тратим мы на мечты о добре, а делать добро не умеем и не учимся. У нас наиболее пассивные в борьбе со злом те люди, которые всего чаще и громче говорят о торжестве добра. Возьмите толстовцев для примера. Спасенья мы ждем не изнутри, не от своей воли, а – и извне, от бога, от японцев, немцев, кадет...»²¹

Горький вспоминал: «Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны... Ради этой цели тотчас после февральского переворота весной 17 года была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук» – учреждение, которое ставило задачей своею, с одной стороны, организацию в России научно-исследовательских институтов, с другой – широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде»²².

Об этой «первейшей задаче» многие отечественные влиятельные политики ныне стараются начисто забыть. Как и мудрые советы великого писателя – не делать героев из людей, которые, «привыкнув драться, больше ничего не умеют и не хотят»²³.

²⁰ Горький М. О творчестве Леонида Андреева // Лит. наследство. Т. 72. М., 1965. С. 403.

²¹ Горький М. Собр. соч. Т. 29. М., 1955. С. 174–175.

²² Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. М., 1974. Т. 20. С. 28.

²³ Архив А. М. Горького. Т. 11. М., 1966. С. 31.